

ПОЛТАВСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

1894 года. № 10-й. 15 Мая.

ПОУЧЕНИЕ

противъ уличныхъ пѣсень *), сказанное сельскимъ прихожанамъ въ третью недѣлю великаго поста въ кладбищной Преображенской церкви села Лютенскихъ-Будищъ.

Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устахъ моихъ (Псал. 140, ст. 3).

Эти слова псалма Давидова вы слышали, братіе на преждеосвященной литургіи въ нынѣшніе дни св. и великаго поста. Недаромъ святая Церковь положила пѣть ихъ особенно въ это время. Она, какъ любящая мать, заботясь о своихъ чадахъ, приведенными словами старается внушить намъ воздержаніе въ словѣ, удаленіе отъ всякихъ пустыхъ разговоровъ, толковъ и пересудовъ и внушаетъ намъ безмолвіе, какъ необходимое средство для того, чтобы мы могли сосредоточиться въ себѣ, по-

*) Такъ называемыхъ „веснянокъ“.

думать о своемъ душевномъ состояніи, прослѣдить пройденный нами житейскій путь....

Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устнамъ моимъ,— слова эти всякій православный христіанинъ долженъ взять, какъ руководящее правило для подвига и покаянія. Иначе и быть не должно: великій постъ— время нашего покаянія, время плача о грѣхахъ нашихъ, время говѣнія. Какъ же мы можемъ должнымъ образомъ приготовить себя къ таинству покаянія и причащенія св. Тайнъ, если будемъ по прежнему невоздержны въ словѣ? Какъ мы можемъ исповѣдать Богу грѣхи свои, если мы будемъ осуждать ближняго, клеветать на брата своего, хулить, празднословить, смѣяться неподобнымъ смѣхомъ?....

Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ!... Такъ долженъ всякій христіанинъ взывать ко Господу въ эти святые дни и стараться всѣми силами обуздать языкъ свой; долженъ всячески воздерживаться отъ сходовъ, бесѣдъ, собраній и вообще случаевъ, когда есть поводъ сказать гнилое слово, слово обиды, укора и досажденія.

Но такъ ли мы поступаемъ, братіе? Обращаемъ ли мы вниманіе на эти молитвенныя слова Псалмопѣвца? Запечатлѣваемъ ли мы ихъ въ своей душѣ, стараемся укротить языкъ свой хоть въ эти святые дни поста и покаянія? Ничуть не бывало! Попрежнему у насъ, какъ и въ другіе дни, языкъ нашъ—врагъ нашъ—дѣлаетъ свое дѣло. Мы не только осуждаемъ, не только ругательства произносимъ, но мы даже дерзаемъ въ эти святые постные дни пѣть уличныя пѣсни, такъ называемыя „веснянки“. Къ вамъ прежде всего, молодые люди, парни и дѣвцы, мое слово. Какъ вы позволили себѣ, забывъ о постѣ, забывъ, какіе святые дни мы переживаемъ, пѣть уличныя пѣсни, нарушать вечернее безмолвіе пѣніемъ

„веснянокъ“! Неужели таки между вами не нашлось и одного здравомыслящаго, который сказалъ бы вамъ: „не годится, ни на что не похоже пѣть такія пѣсни! вѣдь нынѣ постъ!“ Но такого благоразумнаго не нашлось ни между молодыми, ни между старыми (отцами и матерями). Молодые кричатъ на улицѣ, собравшись въ какихъ-нибудь двадцати-тридцати шагахъ около церкви, пустословять, хохочутъ, а старики на это не обращаютъ никакого вниманія, какъ будто такъ и должно быть, какъ будто постъ долженъ состоять только въ перемѣнѣ пици, а тамъ его можно проводить такъ, какъ мы обыкновенно проводимъ для нашей жизни. Ахъ, какъ пагубно такое наше отношеніе къ дѣламъ вѣры! какъ пагубно и непростительно наше небрежное, холодное, нерадивое отношеніе къ дѣлу нашего спасенія! Тѣмъ горестнѣе, тѣмъ прискорбнѣе такое явленіе въ нашей духовной жизни, что оно закоренѣлое, ведется отъ отцевъ и дѣдовъ и нисколько не уменьшается, а какъ будто даже увеличивается. Отцы и дѣды проводили вечера въ великій постъ въ пѣннѣ „веснянокъ“,—и дѣти имъ усердно вторятъ. Оттого-то отцы и матери и не запрещаютъ своимъ дѣтямъ проводить вечера во святой постъ на улицѣ въ пѣннѣ „веснянокъ“. Многіе даже и за грѣхъ этого не считаютъ. Старики такъ рассуждаютъ объ этомъ: „мы сами когда-то были молоды, сами пѣли и веселились въ великій постъ; теперь наше время прошло, такъ пусть же молодежь повеселится, чтобы было чѣмъ вспомнить свою молодость“. „Знамо, дѣло молодое: пусть себѣ поютъ!“ Такъ рассуждаютъ отцы и матери и отпускаютъ безпрекословно своихъ дѣтей на улицу въ великій постъ.

Что сказать на такое оправданіе?

Да то, что отцы и матери еще болѣе грѣшатъ, коль скоро не удерживаютъ дѣтей отъ соблазна. Грѣхъ дѣтей

поэтому на отцахъ възвѣщется. Отцы и матери должны пешишь о духовномъ совершенствѣ и спасеніи дѣтей своихъ; а если они этого не дѣлають, если они сами толкають дѣтей своихъ въ бездну грѣховную, то какое великое наказаніе понесуть они на страшномъ судѣ за дѣтей своихъ, воспитаніемъ которыхъ они пренебрегали. Говорите: „отцы и дѣды ваши такъ дѣляли“. Отцы и дѣды ваши позаимствовали такое провозженіе вечеромъ во св. постѣ отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ, а тѣ въ свою очередь отъ своихъ предковъ, которые были язычниками, не знали истиннаго Бога и совершали въ это время языческое праздненство въ честь бога солнца (Ярила) и и весны. Такимъ образомъ, вторя своимъ предкамъ, вы вторите нечестивому язычеству. Оправдываясь своими предками, вы сами себѣ произносите приговоръ. Предки были нехороши (не всѣ, разумѣется), и вы не лучше ихъ! И отъ словъ вашихъ будете судимы вы, ибо языческіе, поганскіе обычаи вы сохраняете, съ ними никакъ не хотите разстаться, а ученія Христова, ученія Божественнаго, ученія св. церкви не хотите знать, не хотите исполнять. Но слушайте-же, что говоритъ Господь во св. Евангеліи: *Иже бо аще постыдится Мене и моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда придетъ во славу Отца своего со Ангелы святыми* (Марк. 8, 38). *Имѣяй уши слышати да слышитъ.*—Аминь.

Священникъ Григорій Борбицкій.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Святителя Христова Николая,
мая 9-го дня.

Правило вѣры, и образъ кротости, воздержанія учителя яви тя стаду твоему, яже вещей истина: сею ради стяжалъ еси смиреніемъ высокая, нищетою богатая, Отче Священно начальниче Николае, моли Христа Бога, спастися душамъ нашимъ. (Тропарь Святителю).

Благодареніе Господу Богу, благодарѣющему намъ во святыхъ Своихъ! Намъ, слабымъ въ вѣрѣ, Онъ являетъ въ нихъ правила вѣры,—исполненнымъ киченія и гордости указываетъ образы кротости, преданнымъ невоздержанію и влеченію страстей посылаетъ учителей воздержанія. Такъ нынѣ видимъ мы правило вѣры, образъ кротости, слышимъ учителя воздержанія во Святителѣ Христовѣ Николаѣ, его же честныхъ мощей перенесеніе правдуемъ. Великое правило, высокой образъ, святой учитель! Приникнемъ къ нему и поучимся тому, что являетъ онъ въ себѣ.

«Правило вѣры». — Вѣра, по ученію св. Апостола, есть «уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ», (Евр. 11; 1) т. е., по предмету своему, она должна относиться къ предметамъ невидимымъ, но необходимымъ для насъ, составляющимъ всегдашнюю цѣль нашего упованія; по качеству,—живая, какъ живо наше упованіе, твердая и непоколебимая, подобно очевидности убѣждающая насъ въ предметахъ невидимыхъ. Такая вѣра печатлѣла всѣ дѣянія Святителя Христова, видна была во всей его святой жизни, руководила и укрѣпляла въ вы.

поэтому на отцахъ възыщется. Отцы и матери должны пецись о духовномъ совершенствѣ и спасеніи дѣтей своихъ; а если они этого не дѣлають, если они сами толкають дѣтей своихъ въ бездну грѣховную, то какое великое наказаніе понесуть они на страшномъ судѣ за дѣтей своихъ, воспитаніемъ которыхъ они пренебрегали. Говорите: „отцы и дѣды ваши такъ дѣляли“. Отцы и дѣды ваши позаимствовали такое проважденіе вечеровъ во св. постѣ отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ, а тѣ въ свою очередь отъ своихъ предковъ, которые были язычниками, не знали истиннаго Бога и совершали въ это время языческое праздненство въ честь бога солнца (Ярила) и и весны. Такимъ образомъ, вторя своимъ предкамъ, вы вторите нечестивому язычеству. Оправдываясь своими предками, вы сами себѣ произносите приговоръ. Предки были нехороши (не всѣ, разумѣется), и вы не лучше ихъ! И отъ словъ вашихъ будете судимы вы, ибо языческіе, поганскіе обычаи вы сохраняете, съ ними никакъ не хотите разстаться, а ученія Христова, ученія Божественнаго, ученія св. церкви не хотите знать, не хотите исполнять. Но слушайте-же, что говоритъ Господь во св. Евангеліи: *Иже бо аще постыдится Мене и моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣннѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда придетъ во славу Отца своего со Ангелы святыми* (Марк. 8, 38). *Имѣяй уши слышати да слышитъ.*—Аминь.

Священникъ Григорій Борбичій.

ПОУЧЕНІЕ

въ день Святителя Христова Николая,
мая 9-го дня.

Правило вѣры, и образъ кротости, воздержанія учителя яви тя стаду твоему, яже вещей истина: сею ради стяжалъ еси смиреніемъ высокая, нищетою богатая, Отче Священно начальниче Николае, моли Христа Бога, спаситися душамъ нашимъ. (Тропарь Святителю).

Благодареніе Господу Богу, благодѣющему намъ во святыхъ Своихъ! Намъ, слабымъ въ вѣрѣ, Онъ являетъ въ нихъ правила вѣры,—исполненнымъ киченія и гордости указываетъ образы кротости, преданнымъ невоздержанію и влеченію страстей посылаетъ учителей воздержанія. Такъ нынѣ видимъ мы правило вѣры, образъ кротости, слышимъ учителя воздержанія во Святителѣ Христовѣ Николаѣ, его же честныхъ мощей перенесеніе празднуемъ. Великое правило, высокій образъ, святой учитель! Приникнемъ къ нему и поучимся тому, что являетъ онъ въ себѣ.

«Правило вѣры». — Вѣра, по ученію св. Апостола, есть «уповаемыхъ» извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ», (Евр. 11; 1) т. е., по предмету своему, она должна относиться къ предметамъ невидимымъ, но необходимымъ для насъ, составляющимъ всегдашнюю цѣль нашего упованія; по качеству,—живая, какъ живо наше упованіе, твердая и непоколебимая, подобно очевидности убѣждающая насъ въ предметахъ невидимыхъ. Такая вѣра печатлѣла всѣ дѣянія Святителя Христова, видна была во всей его святой жизни, руководила и укрѣпляла въ вы-

сокихъ подвигахъ его святительскаго служенія. Изъ безчисленныхъ подвиговъ вѣры Святителя Николая укажемъ на одинъ, въ которомъ вѣра его явилась въ особенномъ свѣтѣ предъ всею Церковью. Было время въ жизни св. Христовой Церкви, когда злое невѣріе Аріанское дерзнуло возстать на истинную вѣру, усилилось и возмутило св. Церковь. Требовалось торжественное исповѣданіе вѣры въ Божественное достоинство Сына Божія и единосушіе Его со Отцемъ. Въ Никее собралась вся вселенская Церковь въ лицѣ вѣрныхъ своихъ представителей для утвержденія вѣры, а въ числѣ ихъ и Св. Николай. Онъ не препирался съ невѣріемъ, но твердо исповѣдалъ свою вѣру и дѣлами ревности по вѣрѣ заградилъ уста невѣрію. Сію святую ревность по вѣрѣ св. Церковь и представляетъ намъ въ Святителѣ Христовѣ Николаѣ правиломъ вѣры.

«Образъ кротости». — Этой добродѣтели научила Святителя Христова вѣра, — и, съ другой стороны, сама на ней основывалась, какъ на основаніи твердомъ и непоколебимомъ. Рано Святитель позналъ и принялъ заповѣдь Христову: «научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ» (Мѡ. 11; 29), и эту святую кротость являлъ въ повиновеніи своимъ родителямъ, будучи еще юношей, въ благопокорливомъ повиновеніи вѣтнімъ Божіимъ. Она знаменовала всѣ подвиги его святительскаго служенія. Она научила его не превозноситься своими высокими духовными дарованіями, когда чудодѣйственная сила его прославляла его во всемъ христіанскомъ мірѣ, сдѣлала его извѣстнымъ царямъ и снискала ему славу и уваженіе сильныхъ земли. Какія высокія добродѣтели Святителя Христова скрывались подъ кровомъ его кротости, показываетъ, изъ безчисленныхъ подвиговъ его благотворенія, слѣдующій. Во градѣ святительства Ни-

колаева жило одно семейство—отець и три дочери, которыхъ бѣдность довела до такой крайности, что отецъ, забывъ страхъ Божій и свою любовь родительскую, вознамѣрился употребить своихъ дочерей постыднымъ средствомъ для улучшенія своего состоянія. Узнавъ объ этомъ, Святитель, «незнаемо для требующихъ благодѣянія», началъ имъ благодѣтельствовать. Три раза ночью онъ, таяся, бросалъ золото въ окно хижины бѣдняковъ. Облагодѣтельствованные благодарили Господа за благодѣянія, но сокрушались, не зная благодѣтеля. При третьемъ подвигѣ благодѣянія, благодѣтельствующій Святитель былъ узнавъ облагодѣльствованнымъ семействомъ, и не только не принялъ благодарности отъ него, но запретилъ еще разглашать о благодѣянїи, помня заповѣдь Христову: «да не увѣсть шуйца, что творить десная!» (Мѡ. 6; 3). Такая кротость Святителя Христова—образъ кротости самаго Христа—поистинѣ есть образъ и для наученія насъ этой великой добродѣтели. Благоустроимъ же и мы себя самихъ по великому образу Святителя, да и на насъ воззритъ Господь, осѣнитъ Своею благодатію и посѣтитъ Своею милостію.

«Учителя воздержанія».—Какъ плодъ вѣры и кротости въ жизни и дѣянїяхъ Святителя Николая являлось воздержаніе. Съ дѣтства своего Святитель былъ великій постникъ. Постъ отличалъ его и въ подвигѣ послушничества, укрѣплялъ и въ трудахъ святительства. Въ преклонныхъ лѣтахъ, среди заботъ пастырскихъ, Святитель не забывалъ поста: принималъ нищу одинъ разъ въ день, и то самую простую и скудную. При постѣ тѣлесномъ, Святитель подвизался въ воздержанїи духовномъ; узъ связывали языкъ его, скрѣпляя помышленія, очищая чувствованія. Во всю жизнь свою онъ былъ самымъ ревностнымъ ученикомъ воздержанія; по блаженномъ успенїи

своемъ, является учителемъ для насъ сей высокой добродѣтели Христіанской.

Братіе! Святитель Христовъ Николай смиреніемъ стяжалъ высокая и нищетою богатая. Тотъ же самый путь къ благодатному богатству и величію Христову начертанъ и для каждаго изъ насъ. «Не Богъ ли избра нищія міра сего, богаты въ вѣрѣ, наслѣдники царствія, его же обѣща любящимъ Его. Смиритеся предъ Господемъ, и вознесетъ вы. (Іак. 2, 5; 4, 10).

Отче Священноначальниче Николае, моли Христа Бога о нашемъ преспѣваніи въ правой вѣрѣ, тихой кротости и строгомъ воздержаніи!—Аминь.

Даніиль Данилевскій.

Браткія свѣдѣнія о преподаваніи въ начальныхъ школахъ церковнаго пѣнія и организаціи пѣвческаго хора.

Между многочисленными вопросами церковной жизни, выдвинутыми за послѣднее время, вопросъ о церковномъ пѣніи занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Какъ по отношенію къ богослужебной практикѣ, такъ и по отношенію къ школьному преподаванію, всѣ истинные ревнители православной церковности и искренніе школьные дѣятели глубоко заинтересованы этимъ важнымъ предметомъ. И онъ вполне достоинъ такого вниманія. «Церковное древнее пѣніе, заключающееся въ издаваемыхъ св. Синодомъ книгахъ, составляетъ, прежде всего, неоцѣненное сокровище нашей церкви». Такъ гласитъ объяснительная записка къ программѣ церковнаго пѣнія въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ.

По характеру своему древніе церковные напѣвы со-

отвѣтствуютъ вполнѣ духу Православной церкви и освящены издревле ихъ употребленіемъ при богослуженіи. Для народа они дороги и какъ завѣтъ предковъ и святая старина. Наше истовое, русское, православное церковное пѣніе имѣетъ полную самостоятельность и гораздо большее предъ свѣтски-церковнымъ право на существованіе: оно владѣетъ своимъ кругомъ пѣснопѣній, имѣетъ свои правила и свой способъ исполненія этихъ правилъ.

Исторія показываетъ, что Отцы Церкви — истинные знатоки церковнаго пѣнія — и въ школахъ и въ храмахъ боролись со всѣмъ тѣмъ, что въ область пѣнія входило какъ нецерковное, свѣтское, заимствованное изъ театра и другихъ публичныхъ зрѣлищъ, и рядомъ послѣдовательныхъ указаній и правилъ старались совершенно изгнать это вторженіе. Нѣчто подобное можетъ и долженъ сдѣлать и современный пастырь церкви по поводу неблагочинія въ пѣніи.

Въ храмахъ прежде всего желательно бы было слышать исполненіе пѣснопѣній обычнаго простаго напѣва. Простое пѣніе должно лежать краеугольнымъ камнемъ въ основаніи. Оно незамѣтнымъ образомъ подготовитъ всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ православныхъ къ усвоенію мотивовъ пѣснопѣній и поможетъ со временемъ перейти къ общему пѣнію всею церковію. Общее же пѣніе имѣетъ великое воспитательное значеніе. Какъ самую мелодію, носящую на себѣ церковный характеръ, такъ и текстуальною стороною пѣснопѣній поющіе невольно настраиваются къ молитвенному возношенію ума и сердца къ Тому, Кого они научаются въ пѣснѣхъ возвеличивать, и, находясь, такъ сказать, въ области чувствованія и мыслей церковныхъ, религіозныхъ, они, безъ сомнѣнія, чрезъ то самое постепенно и твердо воспиты-

вають въ своихъ душахъ религіозно-нравственное чувство. Посему пѣнію должно быть дано важное значеніе не только въ храмѣ, но и курсѣ начальныхъ школъ.

Церковное пѣніе, читаемъ въ объяснительной запискѣ и программѣ сего предмета для церковно-приходскихъ школъ, имѣетъ цѣлю оживленіе и укрѣпленіе учениковъ въ церковно-молитвенномъ чувствѣ и приготовленіе къ сознательному и дѣйствительному участию въ церковно-общественной молитвѣ, а потому должно быть также обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, какъ и изученіе Закона Божія.

Дѣти, какъ извѣстно, начинаютъ пѣть очень рано. Съ постепеннымъ развитіемъ организма, съ укрѣпленіемъ голосовыхъ органовъ, съ навыкомъ въ рѣчи является мало по малу и навыкъ въ пѣніи, который у ребенка, такъ же, какъ и рѣчь, образуется путемъ подражанія. Наблюдая за постепеннымъ развитіемъ голосовыхъ средствъ ребенка, мы можемъ убѣдиться, что дѣтскій голосъ формируется обыкновенно къ 8—9-ти лѣтнему возрасту. Съ этого времени и слѣдуетъ начинать обученіе пѣнію. Чтобы обученіе пѣнію было толково и правильно, его нужно вести не иначе, какъ по слуху и по нотамъ. Какъ при обученіи грамотѣ дѣло начинается съ устныхъ предварительныхъ упражненій, такъ и при обученіи пѣнію слѣдуетъ начинать упражненіями въ пѣніи съ голоса.

Въ дальнѣйшемъ обученіи пѣніе съ голоса послужитъ вспомогательнымъ средствомъ для усвоенія мелодій, пока ученикъ не научится читать ноты такъ же свободно, какъ читаетъ онъ книгу, и интонировать такъ же вѣрно и свободно, какъ произносить легко и непринужденно членораздѣльные звуки рѣчи. Пѣть съ голоса и по нотамъ значитъ то же, что учиться говорить и читать.

Все музыкальное знаніе и умѣнье сводится къ одному

главному, къ умѣнью интонировать, то есть брать голо-
сомъ звукъ, изображенный условными знаками на бумагѣ,
или названный изустно. Такимъ образомъ вся музыкаль-
ная грамота, говоря техническимъ языкомъ, основана на
интервалахъ. Если взять во вниманіе, что основныхъ
звуковъ семь, а остальные производные, то усвоеніе ин-
тервалловъ не должно казаться особенно труднымъ.

Методовъ элементарнаго преподаванія пѣнія суще-
ствуетъ два: синтетическій и аналитическій. По синте-
тическому способу ученики сначала заучиваютъ отдѣль-
ные музыкальные звуки въ видѣ гаммы, затѣмъ перехо-
дятъ къ болѣе сложнымъ музыкальнымъ упражненіямъ,
далѣе и цѣлымъ пѣсамъ, разучиваніемъ которыхъ и за-
вершается приобрѣтеніе музыкальной техники. По ана-
литическому способу дѣло идетъ совершенно обратнымъ
путемъ. Учащіеся сначала съ голоса усвоиваютъ нѣ-
сколько простенькихъ пѣсенокъ, которыя и служатъ ма-
теріаломъ для обученія. Сначала дѣти, какъ и въ рѣчи,
въ пѣніи не различаютъ элементовъ, а принимаютъ
пѣніе какъ нѣчто цѣлое. Затѣмъ, подъ руководствомъ
учителя, это цѣлое разлагаютъ на его элементы, на от-
дѣльные звуки, которые различаются по высотѣ, силѣ и
продолжительности. Такимъ образомъ при синтетическомъ
способѣ обученіе, начинаясь съ элементовъ, восходитъ
къ цѣлымъ пѣсамъ; а при аналитическомъ, начинаясь
съ цѣлыхъ пѣсень, нисходитъ къ элементамъ—звукамъ.

Въ основу всего обученія и долженъ быть положенъ
аналитико-синтетическій методъ, при чемъ фактъ всегда
долженъ предшествовать выводу, примѣръ—правилу,
частности—обобщеніямъ.

Въ курсѣ обученія пѣнію можно различать три сту-
пени: приготовительныя упражненія, пѣніе по слуху и
пѣніе по нотамъ.

I. Приготовительныя занятія съ учениками должны состоять въ приученіи ихъ къ вѣрному воспроизведенію даннаго звука и къ различенію одного звука отъ другого, высшаго отъ низшаго. Данный звукъ учитель заставляеть учениковъ брать совмѣстно съ нимъ въ тактъ, повторяя это упражненіе нѣсколько разъ, пока не достигнется согласіе и точность въ передачѣ звука. Послѣ этого онъ заставляеть учениковъ поодиночно брать тотъ же звукъ, протягивая голосъ поды тактъ, то долѣе, то короче. Затѣмъ онъ заставляеть ихъ повторить звукъ хоромъ безъ участія его самого. Такимъ же образомъ учитель проходитъ съ ними и слѣдующіе звуки. Упражненія эти не должны быть слишкомъ продолжительны. Когда большинство учениковъ достигнетъ вѣрной передачи и различенія звуковъ, они должны переходить къ изученію мелодій, при чемъ слабѣе успѣвающіе ученики помѣщаются между другими, достаточно успѣвшими, — вліяніе дѣтей другъ на друга въ этомъ дѣлѣ часто гораздо важнѣе вліянія учителя. (Объяснит. записка къ программѣ церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ).

При изученіи мелодій для дѣтей въ началѣ всего труднѣе разобратъ и усвоить повышеніе и пониженіе голоса. Для предварительнаго уясненія дѣтямъ повышенія и пониженія въ пѣніи не малую пользу приносить чтеніе молитвъ, при чемъ произношеніе словъ должно быть одновременное, слогораздѣльное и распѣвное. Учитель предварительно самъ указываетъ дѣтямъ, какого именно чтенія молитвъ онъ будетъ требовать отъ нихъ; для этого раздѣльно произноситъ самъ, наприм.: «Во-и-мя От-ца, и Сы-на, и Свя-та-го Ду-ха, а-минь», при чемъ каждый слогъ сопровождаетъ взмахомъ руки. Затѣмъ такимъ же образомъ и классъ вмѣстѣ съ учителемъ про-

износить, или вѣрнѣе сказать, поеть речитативомъ одну-другую изъ извѣстныхъ дѣтямъ молитвъ. Чтобы нагляднѣе освоивались съ новыми повышеніями и пониженіями голоса, надо пѣть не на память, а написать на доскѣ изучаемый текстъ молитвы такъ, чтобы тѣ строки и слова, которыя поются высшимъ тономъ, и на доскѣ были написаны выше по горизонтальнымъ чертамъ, а для отдыха раздѣлить пѣснопѣніе вертикальными чертами; для выраженія долгихъ слоговъ употреблять надъ ними черы: одну, двѣ, смотря по длительности слога; для выраженія короткихъ ставить точки, или же знакъ '. Дѣти пропѣваютъ написанный на доскѣ текстъ подъ тактъ учителя, при чемъ одинъ ученикъ, стоя у классной доски, показываетъ, по слогамъ, соотвѣтствующую каждому тону ступень на чертежѣ. Этотъ приѣмъ можетъ быть весьма пригоденъ при переходѣ отъ обученія по слуху къ обученію по нотамъ; на нотной скалѣ чѣмъ выше звукъ, тѣмъ выше онъ и стоитъ, и на оборотъ. При помощи подобныхъ приѣмовъ учитель постепенно перейдетъ къ изученію по слуху цѣлыхъ пѣснопѣній.

Свящ. М. Коневскій.

(Нижегор. Еп. Вѣдом.).

Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.

Можно ли совершать таинство брака наканунѣ среды и пятницы сплошной седмицы, какъ такихъ дней, въ которые разрѣшается Церковію вкушеніе скоромной пищи; а также наканунѣ субботы Мясопустной, какъ родительской?

Совершеніе браковъ наканунѣ среды и пятка, точнѣе,

по вторникамъ и четвергамъ у насъ воспрещается *), ради тѣхъ причинъ, по которымъ постъ въ среду и пятокъ полагается. Причинами этими служатъ соединяемыя со средой и пятницей воспоминанія—въ среду о предательствѣ Господа нашего Иисуса Христа Иудею, въ пятницу—о страданіяхъ и смерти Спасителя. Само собою разумѣется, что воспоминанія эти не могутъ быть отдѣлены отъ означенныхъ дней, сколько бы мяса не съѣли мы въ оныя. И совершать браки наканунѣ этихъ дней ради разрѣшенія въ нихъ на скоромное нѣтъ никакого основанія. Чтобы еще нагляднѣе убѣдиться въ сказанномъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что только въ сплошную седмицу по Пятидесятницѣ полагается во всѣ дни, въ

---

*) Хотя въ общецерковномъ кодексѣ и въ нашей Кормчей (гл. 50) мы не встрѣчаемъ запрещенія совершать браки въ посты однодневные (среды и пятки), однако не подлежитъ сомнѣнію, что древне-русская Церковь, слѣдуя практикѣ Церкви греческой, также приравнила постъ среды и пятка къ св. Четыредесятницѣ и потому запрещала браки въ эти дни. Такъ, напр., Новгородскій митр. Макарій (спустя 3 года послѣ изданія печатной Кормчей) въ уставной грамотѣ поповскимъ старостамъ своей епархіи наказывалъ, между прочимъ, «сберечь нарѣзко и инымъ понамъ наказать», чтобы не вѣнчали браковъ по средамъ и пятницамъ. Въ греческомъ Пидалонѣ (изд. 1864 г.) читаемъ также: «если постъ среды и пятка равенъ Четыредесятницѣ, то ясно, что, какъ въ св. Четыредесятницу по 52 прав. собора Лаодикійскаго, не бывають браки, такъ не прилично совершать ихъ въ среды и пятки». «Несомнѣнно, разсуждаетъ проф. Павловъ (въ своемъ изслѣдов. о 50 гл. Кормчей кн.), что нмнѣшняя церковная практика, не допускающая вѣнчаніе браковъ наканунѣ постовъ однодневныхъ—среды и пятка (а не въ самые эти дни) ведетъ свое начало издалека, иначе, неимѣя для себя прямого законнаго или каноническаго основанія, не могла бы сдѣлаться господствующею».

томъ числѣ въ среду и пятницу, служба въ память Сочествія Св. Духа, хотя при этомъ самая сущность среды и пятка, какъ дней памяти преданія и смерти Божественнаго Искупителя, нисколько не уничтожается: все-таки они остаются такими же днями воспоминанія преданія и смерти Христовой, какъ и въ другія несплошныя седмицы. Напротивъ того, во всю сплошную седмицу отъ недѣли Мытаря и Фарисея до недѣли Блуднаго сына *) полагается полная служба Октоиха, а потому какъ въ среду, такъ и въ пятокъ этой седмицы слѣдуютъ обычныя службы Кресту Христову, во имя которыхъ и браки наканунѣ этихъ дней воспрещаются **).

Что касается вопроса, можно ли совершать бракосочетаніе наканунѣ субботы мясопустной, то слѣдуетъ сказать, что нѣтъ каноническаго запрещенія совершать браки во дни, предшествующіе вселенскимъ родительскимъ субботамъ, — и уклоняющійся отъ совершенія брака въ эти дни можетъ подавать поводъ къ нѣкотораго рода суевѣрію въ простомъ народѣ. Если даже назвать эти

*) Нѣкоторые изъ авторитетныхъ писателей восточной церкви, какъ напр., Николай Грамматикъ, полагали даже, что самое разрѣшеніе поста въ среду и пятницу этой седмицы дозвоительно только тѣмъ, которые прежде держались ереси ардивуріевой, а кто происходитъ отъ православныхъ предковъ, для тѣхъ нѣтъ уважительныхъ причинъ разрѣшать постъ въ эти дни.

**.) Правда, въ одномъ изъ составленныхъ въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Св. Синодѣ трактатовъ было внесено правило, чтобы вѣнчать браки на среды и пятки, исключая тѣ дни, въ которые мясоостіе разрѣшается; но этотъ трактъ въ свое время не былъ опубликованъ. Самый текстъ тракта помещенъ въ приложеніи къ изслѣдованію проф. А. Павлова «50 гл. Кормчей книги, какъ историческ. и практическ. источн. русскаго брачнаго права».

дни днями сѣтованія, что, конечно, не справедливо, потому что поминовеніе усопшихъ, по смыслу ученія Православной Церкви, есть скорѣе торжество или торжественная молитва, въ которой выражается побѣда надъ смертію, а не молитва сѣтованія или скорби по умершимъ (1 Солун. 4, 13): то и въ этомъ случаѣ, при крайней нуждѣ, нѣтъ основанія препятствовать совершенію брака. Во второй части Кормчей книги сказано, что бракъ не отлагается ради сѣтованія по умершимъ.

Къ вопросу о запрещеніи духовникамъ открывать грѣхи своихъ духовныхъ дѣтей.

Не столь давно въ Сенатѣ разсматривалось дѣло, интересное тѣмъ, что обвинительный приговоръ окружнаго суда былъ основанъ главнымъ образомъ на показаніи священника объ обстоятельствахъ, открытыхъ ему при предсмертной исповѣди однимъ изъ привлекавшихся къ дѣлу лицъ. Въ ночь на 18 ноября 1891 года псаломщику церкви Благовѣщенія близъ Ропши, Петергофскаго уѣзда, Кедрову были нанесены смертельныя поврежденія, отъ которыхъ онъ умеръ на третій день. Заподозрѣнный въ преступленіи 70-ти лѣтній работникъ умершаго, Яковлевъ, жившій вмѣстѣ съ нимъ, далъ показаніе, что Кедрова убилъ братъ мѣстнаго священника Поповъ. Содержась подъ стражею, Яковлевъ впалъ въ болѣзненное состояніе и умеръ 3 августа 1892 года. 2-го августа къ умирающему Яковлеву былъ приглашенъ для напутствованія священникъ Фаворскій. Послѣ исповѣди и св. причастія священникъ Фаворскій сдѣлалъ увѣщаніе больному при отходѣ въ вѣчность сказать, кто убилъ Кедрова. Яковлевъ на строгое внушеніе священника от-

крыть истиннаго виновника преступленія отвѣтить: „онъ“, несомнѣнно, по содержанію вопроса, относя это къ Попову. Показаніе это было занесено въ обвинительный актъ, и Поповъ на основаніи его и другихъ косвенныхъ уликъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы на 15 лѣтъ. Сенатъ призналъ подобный приговоръ суда, основанный главнымъ образомъ на показаніи священника Фаворскаго, неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: отдавая преимущество свидѣтельскому показанію духовнаго лица передъ свѣтскимъ, нашъ старый процессъ, еще съ конца XVII столѣтія, запрещалъ священникамъ объявлять въ свидѣтельство то, что духовныя ихъ дѣти скажутъ имъ на исповѣди. Номоканонъ при требникѣ 1662 года, воспрещая открывать тайну исповѣди, грозитъ за это тяжкою карою, указывая, что «сипцевому» слѣдуетъ «ископати языкъ созади». Повидимому тайна исповѣди до начала XVIII вѣка считалась безусловною. Но когда «начало славныхъ дней Петра» — омрачило мятежи и великому преобразователю пришлось войти въ судъ даже съ роднымъ сыномъ — отъ храненія тайны исповѣди, прикрывающей враждебные и разрушительные замыслы противъ государя и государства — духовныя лица были разрѣшены. Духовный регламентъ, въ пунктахъ 9, 10 и 13 «Прибавленій о правахъ причта церковнаго» — облагая «жестокимъ наказаніемъ» открытіе тайны исповѣди, дѣлаетъ въ пунктѣ 11-мъ и 12-мъ исключеніе по отношенію къ умыслившимъ государственное преступленіе «кои объявляя намѣряемое зло покажутъ себѣ, что не раскаиваются, но ставятъ себѣ въ истину и намѣренія своего не отлагая, не яко грѣхъ исповѣдуютъ» и къ тѣмъ, «кто, вымысливъ или притворно учинивъ, разгласить ложное чудо». Согласно съ этими постановленіями

въ «наставленіи о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ», изданномъ впервые между 1765—1775 годами, содержится слѣдующее правило относительно исповѣди— «да блюдетъ пресвитеръ исповѣданнаго грѣха никому да не откроетъ, ниже да не намѣтитъ въ генеральныхъ словахъ или другихъ какихъ примѣтахъ, но точію, какъ вещь запечатлѣнную держать у себѣ, вѣчному предавъ молчанію. Выключаются отъ сего оныя дѣла, о коихъ въ Духовномъ Регламентѣ подь числами 11 и 12 изображено». Это же начало проведено и въ уставѣ евангелическо-лютеранской церкви, на основаніи ст. 718 котораго проповѣдникъ обязанъ хранить въ ненарушимой тайнѣ все, на исповѣди ему вѣренное и не можетъ открывать сего и даже по требованію судебныхъ мѣстъ, безъ согласія самого сознавашагося. «Если, говорится въ ст. 720 устава, для предупрежденія преступленія или же для прекращенія вредныхъ послѣдствій совершеннаго уже злодѣянія необходимо обнаружить оное передъ начальствомъ, а исповѣдывающійся не соглашается самъ сознаться предъ судомъ въ своемъ проступкѣ или отвратить инымъ образомъ имѣющій отъ сего произойти вредъ, то ему отъзывается въ разрѣшеніи отъ грѣховъ и въ допущеніи ко святому причастію, *но сказанное на исповѣди сохраняется въ тайнѣ*». Изъ этого строгаго и категорическаго правила изъемяются лишь, на основаніи ст. 719, случаи, когда обнаруженіе открытаго на исповѣди необходимо для отвращенія опасности, грозящей Монарху, Императорскому дому или государству.

Имѣя въ виду эти правила и исходя изъ религіозно-нравственнаго значенія исповѣди, судебныя уставы подтверждаютъ въ ст. 93 и 704 у. у. с. и въ 84 и п. 5 ст. 371 у. гражд. с. соблюденіе тайны, высказанной на исповѣди, воспрещая допускать духовныхъ лицъ къ сви-

дѣтельству по этому предмету. При этомъ имѣется въ виду исключительно исповѣди, ибо какъ сказано въ мотивахъ къ ст. 704 у. у. с. случаи и способы подавнїя духовной помощи, если они выходятъ изъ предѣловъ исповѣди, могутъ быть весьма разнообразны и неопредѣленны и предположеніе въ сихъ случаяхъ къ свидѣтельству священниковъ могло-бы послужить препятствіемъ къ раскрытію истины. Несомнѣнно, что здѣсь имѣлись въ виду различные случаи, въ коихъ обращаются къ священнику, не какъ къ разрѣшителю грѣховъ властью данною ему Господомъ, не какъ къ духовнику, а какъ сл. жителю церкви, поставленному для совершенїя ея обрядовъ и для совокупныхъ моленій съ прибѣгающими къ молитвѣ о здравїи живыхъ, объ упокоенїи усопшихъ. При обычной житейской обстановкѣ въ такихъ случаяхъ священникъ можетъ сдѣлаться очевидцемъ преступнаго дѣянїя, или узнать и услышать о немъ, не требуя во имя великаго таинства покаянїя и въ обстановкѣ благоговѣйнаго страха, признанїя въ немъ и не побуждая къ нему. Судебная практика знаетъ случаи, когда, напр., призванному для служенїя панихиды священнику приходилось быть свидѣтелемъ домашнихъ пререканій, поднимавшихъ уголь завѣсы надъ преступною обстановкою, окружавшею умиравшаго въ послѣднїе его минуты—или когда совершающему отпѣванїе доводилось усмотрѣть слѣды содѣяннаго преступленїя, а приступающему къ вѣнчанїю открывать плохо скрытые признаки готовящагося преступленїя. Устраненїе свидѣтельскаго показанїя священника въ такихъ случаяхъ было-бы отказомъ отъ достовѣрнаго, яркаго и весьма важнаго доказательства, ведущаго за собою или замыкающаго цѣлую цѣпь уликъ. Поэтому-то и считается не подлежащимъ принятїю къ дѣлу, въ качествѣ доказательства, лишь показанїе объ открытомъ на исповѣди. Кѣмъ открытомъ? Считать, что это относится лишь до обвиняе-

маго или подсудимаго, не представляется возможнымъ. Во первыхъ, это протворѣчило бы каноническому взгляду на тайну исповѣди, безразличную по отношенію къ положенію исповѣдующагося; во-вторыхъ, нѣтъ законныхъ основаній съуживать нравственныя требованія уголовнаго процесса противъ такихъ въ процессѣ гражданскомъ, по смыслу котораго не донускается свидѣтельства о томъ (ст. 371 у. гр. суд.), что повѣрено на исповѣди однимъ изъ тяжущихся, или третьимъ въ дѣлѣ лицомъ или, наконецъ, совершенно постороннимъ тяжбѣ лицомъ. Притомъ покаяніе можетъ быть приносимо въ такихъ грѣхахъ, которые связаны съ преступленіемъ другого лица. Исповѣдующійся можетъ чинить признаніе въ такомъ дѣяніи, въ которомъ виновенъ не одинъ онъ. Таковы всѣ двустороннія преступленія—блудъ, кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе и т. п. Онъ можетъ каяться въ поступкѣ, за который онъ лично никакому наказанію не подлежитъ, но который, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно указываетъ на наказуемое преступленіе другого и притомъ опредѣленнаго лица. Таковы случаи недонесенія и укрывательства, предусмотрѣнныя въ 128 ст. Улож. о нак. Возможны случаи признанія въ черствости, въ равнодушіи или постыдной слабости, благодаря которымъ не разрушилась обстановка, благопріятная для совершенія преступленія надъ беззащитнымъ или слабымъ, надъ «однимъ изъ малыхъ сихъ»; возможны случаи признанія въ отсутствіи чувства любви и уваженія къ близкимъ, къ роднымъ, за которыми вѣдомы возмущающія душу беззаконія. Наконецъ, нельзя отрицать и такого печальнаго случая, когда на исповѣди будетъ учинено признаніе въ ложномъ доносѣ или показаніи на невиновнаго, но и тутъ, не смотря на понятность побужденій, оглашеніе такого признанія только потому, что оно

сдѣлано не подсудимымъ или обвиняемымъ, было-бы нарушеніемъ тайны исповѣди. Оглашать его—значило бы признать полное безсиліе правосудія выяснить истину въ дѣлѣ какими либо иными путями, кромѣ раскрытія предъ людьми того, что дотолѣ было сокровенно для всѣхъ, исключая Бога. При томъ разрѣшеніе такого оглашенія было бы отрицаніемъ значенія покаянія для душевнаго подъема чловѣка, на устраненіе вреда отъ грѣховнаго дѣйствія котораго не можетъ не воздѣйствовать и чувство, заставившее его учинить признаніе, и горячее слово увѣщанія духовнаго отца и, наконецъ, отказъ въ св. причастіи. Поэтому всякое признаніе на исповѣди, къ-мъ бы оно ни было сдѣлано и чего бы не касалось, не можетъ быть на основаніи 704 ст. уст. уг. суд. предметомъ свидѣтельства.

Другой существенный вопросъ, вытекающій изъ 704 ст. касается предѣловъ отношеній исповѣдующагося къ своему духовнику. Можно ли признать, что тотчасъ по окончаніи исповѣди и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, немедленно сопровождающаго ее причащенія разспросъ исповѣдывающагося, сопровождаемый увѣщаніями и угрозами отвѣта за грѣхи, составляетъ простую, случайную бесѣду, содержаніе которой ничего общаго съ внутреннимъ значеніемъ исповѣди не имѣетъ и подлежитъ, поэтому, пересказу? Иными словами, устанавливается ли исповѣдью живая духовная связь безбоязненнаго довѣрія между чловѣкомъ, очистившимъ совѣсть покаяніемъ, и служителемъ алтаря, разрѣшившимъ его грѣхи, и связь продолжающаяся за внѣшніе предѣлы исповѣди? или же священникъ, только-что вѣщавшій исповѣдующемуся въ стѣнахъ храма или въ таинственномъ и невозмутимомъ уединеніи частнаго жилища «се Христосъ невидимо стоять пріемля исповѣданіе твое, не усташися, ниже убой-

ся и да не скроеши что отъ мене, но не обвинуяся рцы вся, да приѣмши оставленіе отъ Господа. Азъ же точию свидѣтель есмь, да свидѣтельствую предъ Нимъ вся, елика рѣчеша ми» — и отпустившій ему затѣмъ грѣхъ, непосредственно вслѣдъ затѣмъ становится частнымъ человекомъ, могущимъ воспользоваться отвѣтами на свои вопросы, чтобы стать свидѣтелемъ уже не передъ Богомъ, а передъ людскимъ судомъ, — дѣлается случайнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ трудно говорить «не обвинуясь» безъ страха за послѣдствія разговора для себя или для другихъ? Думается, что утвердительный отвѣтъ на послѣдній вопросъ не удовлетворилъ бы нравственнаго чувства, не соответствовалъ бы и правильному пониманію высокаго значенія духовнаго отца, раскрытая предъ которымъ душа показавшагося можетъ тотчасъ же боязливо и недоувѣрчиво захлопываться, какъ только онъ сотворилъ крестное знаменіе на главѣ его. Это значило бы сразу уничтожить просвѣтленное и облегченное настроеніе грѣховною заботою о лукавой осторожности и смѣнять восхищенное и умиленное состояніе души, увѣровавшей въ то, что она прощена, малодушнымъ страхомъ и стремленіемъ ко лжи. Поэтому надлежитъ, во всякомъ случаѣ, признать, что покуда не прервалось вызванное исповѣдью непосредственное общеніе между духовнымъ отцомъ и исповѣдывавшимся, до тѣхъ поръ признаніе, полученное первымъ при посредствѣ напомнанія о сдѣланномъ покаяніи, объ отвѣтственности предъ Богомъ, о смертномъ часѣ, — полученное, такъ сказать, на почвѣ исповѣди — должно быть рассматриваемо, какъ предусмотрѣнное 704 ст. уст. уг. суд.

Показаніе свящ. Фаворскаго представляетъ собою свидѣтельство духовнаго лица о томъ, что ему сказано не какъ посѣтителю или собесѣднику, а какъ духовному

отцу въ обстановкѣ, неразрывно связанной съ исповѣдью. Взаимныя при этомъ отношенія Яковлева и отца Оаворскаго содержатъ въ себѣ всѣ условія, при которыхъ свидѣтельство не допускается. Оаворскій былъ приглашенъ въ тюремный замокъ для исповѣди, какъ священникъ, а не какъ частное или иное должностное лицо. Цѣль его прихода—единственная и исключительная—отпущеніе грѣховъ человѣку, близящемуся къ кончинѣ, совершенное наединѣ. Разспросъ имъ этого человѣка—не солгалъ ли онъ, правду ли говорить онъ—есть прежде всего разспросъ о грѣхѣ, входящій въ содержаніе исповѣди и вытекающій изъ нея столь органически, что не только слабому и больному, съ готовымъ потухнуть сознаниемъ, но и здоровому человѣку—едва ли легко отдѣлать, гдѣ, при этомъ разспросѣ, кончается духовный отецъ, предъ которымъ душа раскрывается, какъ книга, и гдѣ начинается будущій свидѣтель по уголовному дѣлу. Свидѣтельство объ этомъ, не могущее быть признано допускаемымъ доказательствомъ по самому своему происхожденію,—не можетъ быть имъ признано и по существу своему. Въ сущности свидѣтельство отца Оаворскаго есть покаяніе Яковлева, данное въ условіяхъ не установленныхъ закономъ и вызывающихъ сомнѣніе по отношенію къ дѣйствительному содержанію его. Оно дано Яковлевымъ *in articulo mortis*, подъ хладнымъ дыханіемъ смерти, въ изнеможеніи, въ невозможности что либо добавить къ односложному слову, которое нуждается въ комментаріяхъ допрашивающаго. Гдѣ ручательство, что стоя на порогѣ другой жизни, Яковлевъ ясно сознавалъ, о чемъ его спрашиваютъ и что онъ отвѣчаетъ? Гдѣ ручательство, что разсудокъ хилаго старика, потрясенный и близостью смерти, и дѣйствующею на душу обстановкою исповѣди въ тюрьмѣ, сохранилъ до конца свою яс-

ность? Для допущенія свидѣтельства вообще, законъ въ 1 п. 704 ст. уст. уг. суд. требуетъ обладанія здоровыми умственными силами. Но гдѣ разрушается тѣло, гдѣ такая сильная слабость, что кромѣ односложнаго слова ничего болѣе нельзя добиться,—тамъ нѣтъ ручательства, что и духовныя силы не помрачились. Правосудію можетъ быть иногда оказана плохая услуга выставленіемъ въ видѣ доказательства словъ, сказанныхъ въ предсмертной, прерывающейся бесѣдѣ. Судебная власть достаточно вооружена средствами розыска и изслѣдованія, чтобы не нуждаться въ такихъ доказательствахъ для обличенія дѣйствительно виновныхъ (*Нов. Время*).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

АНТУКА. Очеркъ изъ быта духовенства.

Ц. Горскаго-Платонова Ц. 50 к.

Въ подстрочномъ примѣчаніи, на стр. 30-й, авторъ такъ поясняетъ на первый взглядъ нѣсколько странное и загадочное названіе, какое далъ онъ своему очерку изъ быта духовенства: Словомъ *антука* (*en tous cas*) какъ извѣстно, называютъ зонтики, размѣра нѣсколько меньшаго, сравнительно съ размѣромъ зонтиковъ, употребляемыхъ для защиты отъ дождя, и нѣсколько большаго, сравнительно съ размѣромъ зонтиковъ, употребляемыхъ для защиты отъ лучей солнца. Названіемъ *антука* хотять показать, что зонтики этого размѣра пригодны и тогда, когда солнышкомъ печетъ, и тогда, когда дождичкомъ съчетъ, иначе сказать, пригодны для разныхъ цѣлей, при различныхъ обстоятельствахъ, и послужила для меня основаніемъ избрать слово *антука* для

краткаго, по возможности, обозначенія отличительной черты, усматриваемой мною въ нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ, касающихся православнаго русскаго духовенства. По прочтеніи статьи многіе изъ читателей признають можетъ быть, что избранное мною заглавіе прилечествуеть содержанію статьи въ степени достаточной“.

Дѣйствительно, въ своемъ большемъ очеркѣ авторъ очень настойчиво и рѣзко подчеркиваетъ ту мысль, что на духовенство зачастую возлагались обязанности, которыя развѣ „только путемъ болѣе или менѣе длинныхъ и тонкихъ умозаключеній могутъ быть выведены изъ понятія о пастырскомъ служеніи“. Вспоминая опыты сороковыхъ—пятидесятихъ годовъ, когда въ духовныхъ семинаріяхъ обучали и землемѣрію, и раціональному сельскому хозяйству, и медицинѣ, авторъ съ нескрываемою ироніей относится къ возникшимъ тогда мечтаніямъ о священникахъ полу-врачахъ, полу-агрономахъ, полужемлемѣрахъ... „Основанія, — разсуждаетъ онъ, — по которымъ хотѣли привлечь пастыря къ занятіямъ врачевнымъ, агрономическимъ, геодезическимъ, указывались различныя. Выставляли на видъ пользу крестьянъ и благосостояніе пастырей. Къ глубинѣ стремленія доставить пользу крестьянамъ и благосостояніе пастырямъ можно по праву отнести съ малымъ довѣріемъ. Въ сороковыхъ годахъ къ этимъ предметамъ прилагалось заботъ очень и очень немного. Дѣло было проще. Врачей было мало, а землемѣровъ и агрономовъ и еще того меньше. Добровольныхъ охотниковъ на эти занятія было недостаточно; возбудить къ нимъ охоту, конечно, было возможно, но не иначе, какъ съ затратою большихъ денегъ на устройство учрежденій для образованія врачей, агрономовъ и землемѣровъ, а потомъ, разумѣется, и на жалованье ихъ. На эти предметы расходовались

деньги, да мало; прибавить казалось неудобнымъ. А между тѣмъ нужда въ существованіи достаточнаго количества и врачей, и землемѣровъ, и агрономовъ чувствовалась живо. Стоило подумать о томъ, какъ раздобыться такими людьми при малыхъ на то затратахъ, а то и безъ всякихъ затратъ. Становому некогда, исправнику и подавно; сотскій не годится; урядника тогда еще не народилось. Выходъ скоро былъ найденъ. Чего проще привлечь къ симъ дѣламъ сельскихъ священниковъ? Пусть они и лѣчатъ, пусть и землю мѣряютъ, пусть вводятъ улучшенные способы хозяйства. Улучшеніе хозяйства не только увеличитъ благосостояніе крестьянъ, но и дастъ возможность увеличить доходы и казенные, и частные. „Получать станешь больше, можешь и давать побольше“. И всѣ эти блага пріобрѣтутся при самыхъ малыхъ затратахъ: прибавка жалованья врачу семинарскому, жалованье преподавателю сельскаго хозяйства—вотъ и вся трата. Геодезію можно возложить на преподавателя математики; значить землемѣры совсѣмъ за даромъ получатся. У деревенскаго священника какое дѣло? Въ праздникъ обѣдную отслужить, да на недѣлѣ кое-какія требы справить,—вотъ и все. Да будетъ же онъ врачомъ, землемѣромъ и агрономомъ! По крайней мѣрѣ не безъ дѣла будетъ.

Удивительно, что еще мало дѣлъ придумано было для пастыря. Мало-ли чего можно было еще придумать? Напримѣръ. Нерѣдко случались скотскіе надежи, отъ которыхъ и крестьяне раззорялись, и государство терпѣло ущербъ. Отъ чего-бы не обучить семинариста ветеринарному дѣлу? По ветеринару на семинарію для обученія ветеринарному искусству,—дѣло недорогого стоитъ.

Еще сколько дѣтей гибло и уродовалось отъ оспы! И

населеніе вслѣдствіе оспы пріумножалось медленно, да и что за краса, — рябой уродъ, особенно, если и глаза у него лопнуть? Къ чему онъ годенъ? Если не научится пѣть „Лазаря“, то будетъ только бременемъ и для семьи, и для общества, а пользы отъ него во всякомъ случаѣ не будетъ никому. Отчего-бы не обучить семинаристовъ оспопрививанію? Выйдетъ въ священники: пусть прихожанамъ прививаетъ оспу. Дѣло не унижительное, а для общества полезное. Хотя по десятку яицъ за прививку — и то на пользу.

Еще кузницу держать въ селѣ совсѣмъ не стоитъ; сельскій кузнецъ и на прокормъ не зарабатываетъ себѣ: работы мало. А между тѣмъ сколько крестьянину напрасной траты времени, если сломается шкворень, или оторвется подкова! Нужно иной разъ верстѣ за двадцать ѣхать, чтобы сварить шкворень, или подковать лошадь. Отчего при каждой семинаріи не устроить по кузницѣ. Семинаристы бываютъ здоровые, ловкіе на всѣ руки. Обучатся кузнечному дѣлу: въ селѣ это очень и очень пригодится. Унизительнаго ни въ какомъ трудѣ нѣтъ ничего. Если батюшка ваниетъ и боронуетъ: отчего же ему шкворень не сварить? А прихожане будутъ благодарить и даже славословить своего пастыря.

А часовое мастерство? Давно уже стало постыдно считать время по пѣсухамъ; такой счетъ терпимъ только у какихъ-нибудь дикихъ народовъ. Научили-бы семинариста часовому мастерству, и сидѣлъ-бы пастырь не безъ дѣла: и мастерилъ-бы, и чинилъ-бы часы; это гораздо лучше, чѣмъ безъ дѣла болтаться.

А сколько еще есть на бѣломъ свѣтѣ ремесль, знаніе которыхъ для пастыря деревенскихъ прихожанъ очень и очень пригодилось бы!

Читатель видитъ, что въ запискѣ оставался еще не

початый уголь полезныхъ занятій, усвоеніе которыхъ могло-бы принести пользу и пастырю, и насомымъ.

Какъ неудобно священнику братья не за свое дѣло, авторъ, между прочимъ, наглядно поясняетъ ссылкой на возможные случаи неудачнаго врачеванія. По его словамъ, „честный“ священникъ самъ долженъ будетъ дать себѣ зарокъ не въ свое дѣло не путаться, если только не имѣетъ особой склонности ссылаться на Божью волю въ тѣхъ случаяхъ, когда раздадутся укоры. что онъ морить людей. Онъ самъ пойметъ, что и ветеринару требуется имѣть запасъ знаній большій, чѣмъ какой имѣетъ онъ, принимаясь лечить людей. Если не пойметъ этого: то ему едва-ли не придется отказаться отъ платы за погребеніе. „Самъ уморилъ, самъ и хорони, какъ знаешь“. Или еще хуже. При скопленіи неудачныхъ случаевъ леченія могутъ даже возникнуть подозрѣнія, не морить-ли батюшка нарочно, изъ-за дохода похороннаго? Иное дѣло—снабдить причты церковные популярно изложеннымъ руководствомъ къ уходу за больными и къ подаію первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Это и не дорого будетъ стоить, и пользу принести можетъ. Можно и гомеопатическими лечебниками снабдить. Если и не вылечитъ священникъ-гомеопатъ, то и напортитъ много не можетъ: а бываетъ, что и гомеопаты помагаютъ. Во всякомъ случаѣ при гомеопатическомъ леченіи не будутъ грозить священнику судебныя слѣдствія по обвиненію со стороны, напримѣръ, не расположенныхъ къ доховенству иныхъ врачей-аллопатовъ или иныхъ земцевъ,—по обвиненію въ преждевременномъ препровожденіи людей изъ здѣшняго міра въ загробный“.

Впрочемъ, по замѣченію автора, „за послѣднее время ослабѣло усердіе въ присканіи для праздныхъ пасты-

рей такихъ побочныхъ профессій, которыя приносили-бы матеріальную пользу и самимъ пастырямъ, и пасомымъ, и всему государству. Утилизація пастырскихъ силъ болѣе направляется теперь въ другія стороны. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, привлеченіе пастырей къ болѣе дѣятельному участию въ просвѣщеніи народа. Долгъ пастыря—учить истинамъ православной вѣры—тѣсно связанъ съ распространеніемъ грамотности. Неграмотный, конечно, не можетъ такъ легко усвоить себѣ преподаваемое пастыремъ ученіе вѣры, какъ это можетъ дѣлать человѣкъ грамотный. Грамотность развиваетъ умственные силы, возбуждаетъ воспріимчивость. Кромѣ того, грамотному человѣку легче и поддерживать, и приумножать свое знаніе истинъ вѣры, легче потому, что онъ можетъ читать нужныя для сей цѣли книги. Итакъ, по самому существу дѣла нужно признать тѣсную связь между изученіемъ истинъ вѣры и между грамотностью научаемыхъ этимъ истинамъ. Эта тѣсная связь, конечно, не требуетъ того, чтобы пастырь самъ училъ грамотѣ. Существенное значеніе въ настоящемъ случаѣ имѣетъ само пріобрѣтеніе грамотности, а не то, кто именно учитъ грамотѣ. Но тутъ требуютъ къ себѣ вниманія другія обстоятельства. Во-первыхъ, не мало есть мѣстностей, гдѣ учителя грамотности такъ же не легко найти, какъ и землемѣра, или врача. Приходится снова, какъ и прежде, задавать себѣ вопросъ, кого-же послать на дѣло обученія грамотѣ? Нѣтъ человѣка. Пригласить пастыря! для его же собственнаго дѣла, для исполненія его же долга потребна грамотность его пасомыхъ. Можетъ быть, подобно Моисею, и онъ расположенъ былъ-бы отречься отъ исполненія зова: но гдѣ же найти «могуща иного»? Нѣтъ такого: значить, на это дѣло надо идти пастырю. Во-вторыхъ неоднократные опыты

показали, что въ дѣло обученія грамотности могутъ вмѣшаться стремленія, не имѣющія ничего общаго съ долгомъ пастыря учить истинамъ вѣры. Распространяя грамотность, распространяли вмѣстѣ съ тѣмъ кое-что такое, что никакими узами съ дѣломъ грамотности не связано, а съ дѣломъ пастырскимъ стоитъ даже въ совершенномъ разладѣ. Нужно было принять мѣры къ тому, чтобы несвязанное никакими узами отвалилось отъ того мѣста, около котораго настѣло совершенно случайно. Иначе сказать, нужно было замѣнить назойливыхъ проповѣдниковъ недоношенныхъ мыслей другими людьми, болѣе пригодными. Откуда взять ихъ? Хорошихъ приманить къ дѣлу нечѣмъ; неизвѣстные — опасны; плохіе не пужны. Остается, за неимѣніемъ другихъ лицъ, пригласить батюшку или къ непосредственному веденію дѣла, или, по крайней мѣрѣ, къ дѣтельному наблюденію за нимъ“. Соглашалась съ тѣмъ, что дѣло обученія грамотѣ имѣетъ внутреннюю связь съ дѣломъ служенія пастырскаго, а потому и можетъ быть въ большей или меньшей степени возложено на духовенство, авторъ продолжаетъ далѣе: „Но кромѣ этого недавно указаннаго пастырю дѣла есть еще не мало дѣлъ, которыя накладываются на пастыря только потому, что не пріисканы доселѣ люди, которые понесли бы ихъ на себѣ. Я разумѣю день ото дня разрастающуюся писарскую, канцелярскую, бухгалтерскую и статистическую работу, взваливаемую на тѣ-же выносливыя пастырскія плечи. Часть этой работы издавна лежитъ и должна лежать на пастыряхъ, а значительная часть ея паложена на нихъ въ болѣе или менѣе недавнее время, и подкладываніе ноши продолжается съ примѣчательнымъ постоянствомъ и безъ всякаго вниманія къ тому, не слишкомъ-ли уже много ея накладывается. Повидимому, пора бы поразсмотрѣть, не слишкомъ-ли злоупо-

требляютъ тѣ и другія учрежденія терпѣливостью церковныхъ причтовъ и не сваливаютъ-ли они съ себя тѣхія ноши, которыя не причтамъ церковнымъ, а самимъ этимъ учрежденіямъ таскать подобало-бы. Какъ ни утомительно, говорить авторъ въ заключительныхъ строкахъ своего разсужденія о канцелярскихъ обязанностяхъ духовенства, — прочитавъ длинный перечень пастырскихъ обязанностей въ области чернильной дѣятельности, но все же это неизмѣримо легче, чѣмъ самымъ дѣломъ начертывать на бумагѣ всѣ эти записи, выписи, вѣдомости, карточки, свидѣтельства, книги и кнѣжки.

Возможность скинуть съ пастырскимъ плечъ добрую половину наложеннаго на нихъ бремени, конечно, есть; но она опять таки требуетъ затратъ.

Заведите лишнихъ писарей при полицейскихъ учрежденіяхъ: они и будутъ снабжать и статистическіе комитеты, и воинскія присутствія всѣми нужными для нихъ свѣдѣніями.

Прибавьте въ консисторіяхъ десятка два писцовъ: они и будутъ дѣлать выписки изъ метрическихъ книгъ. Для удобства и для устраненія промедленій можно завести и книги метрическія не годовыя, а третвыя и даже мѣсячныя.

Устройте при каждой церкви, или при многихъ изъ нихъ, канцелярію изъ секретаря и одного или двоихъ писцовъ. Пусть ихъ пишуть и выписи и карточки для какихъ угодно комитетовъ и присутствій.

Да и мало-ли что можно было-бы придумать, если бы поубавилась охота привлекать пастырей къ дѣламъ, немѣющимъ тѣсной связи съ ихъ прямыми обязанностями! Когда пройдетъ она, эта охота, тогда и прекратится попытка налагать на пастырей повинность служить чѣмъ-то въ родѣ *Антука* (*en tous cas*)^а.

Мы сдѣлали достаточно выписокъ изъ книжки. По этимъ выпискамъ читатели сами могутъ судить, съ какой горячностью и рѣзкостью авторъ, такъ сказать, избличаетъ тотъ ложный, по его мнѣнію, взглядъ на духовенство, въ силу котораго духовенству навязываются обязанности не только стороннія, побочныя, но порой и прямо неудобопримиримыя съ его истиннымъ призваніемъ. Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается одной лишь отрицательной стороною и говоря о томъ, чего духовенство не обязано дѣлать, не выясняетъ въ одной общей картинѣ прямыхъ, дѣйствительныхъ обязанностей пастырскаго служенія, почему его антитеза — изображеніе мнимыхъ обязанностей — не производитъ должнаго впечатлѣнія. Изображая и ѣдкимъ словомъ бичуя псевдо-обязанности духовенства авторъ мѣстами слишкомъ сгущаетъ краски и допускаетъ крайности. Изъ того, что священникъ не можетъ и не долженъ быть профессиональнымъ врачомъ или агрономомъ, никакъ не слѣдуетъ, что священникъ не можетъ дать полезнаго совѣта прихожанину относительно ухода за больными и улучшенія по какимъ-либо статьямъ сельскаго хозяйства. Подобныя указанія возможны и почти неизбѣжны въ силу того обстоятельства, что священникъ среди своихъ прихожанъ оказывается нерѣдко единственнымъ образованнымъ человѣкомъ. Кромѣ него — никто не можетъ дать нужнаго, искомаго совѣта или указанія.

Точно также не только трудно, но едва-ли и справедливо изолировать духовенство отъ выполненія нѣкоторыхъ обязанностей — хотя и не прямо относящихся къ пастырству но тѣсно связанныхъ съ нимъ. Таковы напр., веденіе метрическихъ записей, выдача метрическихъ выписей, сообщеніе статистическихъ свѣдѣній о родившихся и умершихъ... Цѣлесообразнѣе, казалось-бы

поставить вопрос не объ освобожденіи отъ такихъ трудовъ, гдѣ пастыри пока незамѣнимы, но о возможномъ вознагражденіи за нихъ.

Вторая половина книжки, начиная съ 30-й страницы, представляетъ рядъ отрывочныхъ воспоминаній изъ семинарской жизни въ 50-хъ годахъ. Невеселыя картины бѣдности и другихъ невзгодъ семинарскаго житія скрашиваются теплымъ сочувствіемъ автора къ родной школѣ, почему и самыя воспоминанія читаются съ живымъ интересомъ и пробуждаютъ доброе чувство признательности и уваженія къ дѣятелямъ старой школы.

(Пастыр. Собес. № 14-й).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

„Византійскій Временникъ“:

Съ настоящаго года при Императорской Академіи Наукъ будетъ издаваться спеціальнй журналъ, посвященный византиновѣдѣнію, подъ заглавіемъ: „Византійскій Временникъ“.

Основаніемъ самостоятельнаго органа по изученію Византіи имѣется въ виду удовлетворить давно уже сознаванную научную потребность и вмѣстѣ съ тѣмъ внести единство и систему въ византійскія занятія въ Россіи, въ послѣднее время все болѣе и болѣе расширяющіяся. Замѣчено, что свѣдѣнія о рукописныхъ памятникахъ и изслѣдованія по разнымъ сторонамъ византійской жизни, публикуемыя въ многочисленныхъ пе-

риодическихъ изданіяхъ болѣе общаго содержанія и характера, часто остаются неизвѣстными и недоступными даже для тѣхъ, для кого они всего больше имѣютъ значенія. Именно въ области византиновѣдѣнія оказывается особенно неудобнымъ и вреднымъ все еще существующее разбѣдиченіе между русскою свѣтскою и русскою духовною наукой, между университетомъ и духовною академіей. Слишкомъ также обычное явленіе въ области византиновѣдѣнія, что давно указываемыя ошибки и завѣдомо невѣрныя положенія держатся по преданію продолжительное время и препятствуютъ поступательному движенію науки. Вслѣдствіе того очередные вопросы, выдвинутые однимъ поколѣніемъ, скоро забываются и смѣняются другими вопросами, которымъ также не бываетъ иногда суждено подвергнуться окончательному рѣшенію. Такимъ образомъ, одною изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ успѣшному ходу византийскихъ занятій, нужно признать отсутствіе спеціального органа и недостатокъ системы и метода въ частныхъ, между собою ничѣмъ не связанныхъ, работахъ. Правда, что давнишняя русская идея о самостоятельномъ значеніи византиновѣдѣнія нашла теперь торжественное признаніе и въ ученой Германіи; въ прекрасномъ изданіи д-ра Крумбахера *Byzantinische Zeitschrift* уже два года тому назадъ получила не безъ содѣйствія русскихъ ученыхъ силу свое осуществленіе и самая мысль о постоянномъ періодическомъ органѣ, для разработки вновь признанной спеціальности. Однако же, выходящій въ Германіи ученый журналъ, не смотря на все свои стремленія къ международности, все такъ — и по совершенно понятнымъ и оправдываемымъ основаніямъ — не допустившій на свои страницы, наравнѣ съ французскимъ и англійскимъ, также и русскаго языка, не

можетъ удовлетворять ранѣе сознаннымъ русскимъ потребностямъ; онъ не можетъ проникать такъ глубоко, какъ это желательно и возможно будетъ для русскаго органа, въ различные слои и классы русскаго образованнаго общества, не можетъ служить центромъ объединенія для всѣхъ русскихъ ученыхъ силъ и прямо содѣйствовать ихъ союзу и дружной работѣ въ данной области. Къ тому же русская наука всегда имѣла и будетъ имѣть при изученіи Византіи свои особенныя задачи и свои спеціальныя темы, тѣсно связанныя съ вопросамъ русскаго самосознанія. А съ другой стороны, русскій журналъ нисколько не повредитъ распространенію и усилю пѣмецкаго Журналь д-ра Крумбахера будетъ имѣть въ немъ не конкуррента, а союзника.

«Византійскій Временникъ» имѣеть цѣлью согласовать и объединить византійскія занятія въ Россіи и дать имъ болѣе опредѣленное направленіе въ смыслѣ постановки ближайшихъ научныхъ задачъ, опредѣляемыхъ какъ современнымъ состояніемъ византиновѣдѣнія, такъ и тѣми особенными отношеніями, которыя вытекаютъ изъ разнообразныхъ вліяній Византіи на Россію. Давая мѣсто изслѣдованіямъ, сообщеніямъ и матеріаламъ, относящимся къ Византіи вообще, «Византійскій Временникъ» съ одинаковымъ вниманіемъ имѣеть относиться къ фактамъ политической, церковной и соціальной ея исторіи, къ явленіямъ литературы и искусства, языка и права, къ даннымъ географіи, топографіи, этнографіи, хронологіи, нумизматики, палеографіи и другихъ вспомогательныхъ наукъ, служащихъ къ уразумѣнію Византіи (сфрагистика, эпиграфика). Имѣя, однако, въ виду, что въ изученіи Византіи есть такія стороны, которыя частью были уже выдвинуты ранѣе русскою научною традиціей, частью же составляютъ обязательный

долгъ русской науки настоящаго времени, редакція «Византійскаго Временника» находитъ неизлишнимъ теперь же намѣтить нѣкоторыя изъ упомянутыхъ сторонъ, какъ предметъ особенныхъ и ближайшихъ его задачъ, предоставляя развитіе подробностей своимъ авторитетнымъ сотрудникамъ, которые, надѣемся, не замедлятъ это сдѣлать. Къ такимъ задачамъ относятся: 1) Сообщеніе свѣдѣній о хранящихся въ Россіи греческихъ, а также и славянскихъ рукописяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Византіи, и оцѣнка содержащагося въ нихъ матеріала. Славянскія рукописи упоминаемъ потому, что, какъ извѣстно, онѣ иногда содержатъ переводы потерянныхъ или не отысканныхъ греческихъ подлинниковъ, иногда же болѣе древнія редакціи того, что сохранилось въ позднѣйшихъ византійскихъ передѣлкахъ. 2) Проверка и разработка хронологіи Византійской исторіи,—старая задача, которую давно преслѣдуетъ наша Академія Наукъ и которую она теперь вновь выдвигаетъ впередъ. Византійскій журналъ могъ бы содѣйствовать достиженію цѣли, помѣщая на своихъ страницахъ хронографическія обзоренія отдѣльных царствованій, или же отдѣльных небольшихъ періодовъ и даже десятилѣтій, подготавливая такимъ образомъ фундаментъ и матеріалъ для того обобщающаго и цѣльнаго труда по Византійской исторіи, который, конечно, составляетъ настоящую потребность русской публики, но можетъ быть только плодомъ долгихъ общихъ усилій въ соединеніи съ одушевленіемъ и талантомъ отдѣльнаго лица. Образцомъ при этомъ должны служить извѣстныя нѣмецкія (Jahrbücher) и французскія изданія а также и русскія (Русско-ливонская хронографія). 3) Сводъ историческаго матеріала, почерпаемаго въ житіяхъ святыхъ. Нѣтъ надобности останавливаться на

объясненіяхъ особаго значенія такой задачи и можно только порадоваться, что и русскіе представители классической филологіи стали заниматься изданіемъ въ свѣтъ этого рода византійскихъ памятниковъ. Разчищать имъ дорогу, извлекать изъ ихъ работъ непосредственные историческіе и другіе выводы, поддерживать ихъ усердіе будетъ дѣломъ не послѣдней важности. Прибавимъ здѣсь же, что послѣ агиографіи и другіе роды византійской письменности давно ждутъ ученой обработки, и особенно примѣнительно къ нуждамъ и цѣлямъ русскимъ: требуется специальное изученіе памятниковъ византійскаго проповѣдничества, для опредѣленія его отношенія къ проповѣди древнерусской, византійской поучительной литературы ради вполне научнаго обследованія древнерусскихъ поученій „отъ отца къ сыну“ и сборниковъ назидательныхъ изреченій, памятниковъ византійской народной литературы, зачатковъ византійской литургической драмы и т. д.

Въ самой разработкѣ византійской исторіи Византійскій журналъ можетъ поставить себѣ нѣкоторыя ближайшія задачи. Изучая съ особымъ вниманіемъ аналогіи, а также и противоположности восточно-византійскаго и западнаго развитія, отправляющагося здѣсь и тамъ отъ одного источника, заключающагося въ учрежденіяхъ римской христіанской и даже еще языческой имперіи, русскіе ученые могутъ внести весьма цѣнный вкладъ въ общую сокровищницу исторической науки и содѣйствовать достиженію самыхъ высшихъ задачъ историческаго знанія, соприкасающихся съ философіею исторіи. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда идетъ споръ о римскомъ или германскомъ происхожденіи тѣхъ или другихъ институтовъ или порядковъ, сопровождающихъ и характеризующихъ развитіе романо-германскаго міра,

византійскія аналогиї можуть имѣть рѣшающее значеніе. Изученіе варварскаго, въ частности германскаго, элемента равнымъ образомъ соприкасается и съ первоначальною византійскою исторіей и съ очередными задачами русской археологіи. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о вліяніи готовъ на военную и административную систему Византійской имперіи, а также и на ея культурную жизнь. Въ смыслѣ воздѣйствія на учрежденія и вообще на внутреннюю жизнь Византіи въ хронологическомъ порядкѣ за готами слѣдуютъ славяне, поэтому желательны новыя изслѣдованія въ области южно-славянскій исторіи, ибо никакъ нельзя думать, что исчерпаны всѣ данныя письменныхъ и монументальныхъ памятниковъ, произведеній искусства, остатковъ далекой старины въ быту и въ учрежденіяхъ Византійской имперіи, по которымъ возможно возстановить живые слѣды славянства въ Византіи.

Точно также и по отношенію къ послѣдующимъ періодамъ Византійской исторіи «Византійскій Временникъ» будетъ преслѣдовать нѣкоторые спеціальныя задачи. Опытъ показываетъ, что пренебреженіе къ византійскимъ источникамъ, до послѣдняго времени господствовавшее въ европейской наукѣ, было причиною существенныхъ пробѣловъ и частныхъ фактическихъ ошибокъ въ сочиненіяхъ, касающихся періода крестовыхъ походовъ и позднѣйшихъ. Нашъ журналъ, преслѣдуя свои особенныя цѣли, и здѣсь можетъ попутно оказать услугу общеевропейской наукѣ, занятой теперь восполненіемъ опущеннаго и недостаточнаго. Но особенно желательно глубокое и всестороннее изученіе миссіонерской и просвѣтительной дѣятельности Византіи по отношенію къ славянамъ и русскимъ, грузинамъ и армянамъ. Такимъ образомъ, изслѣдованія по древней исто-

риі упомянутыхъ народностей, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи, изученіе памятниковъ ихъ культуры и искусства, учреждений и литературы, должны находить себѣ мѣсто въ Византійскомъ спеціальному органу въ предѣлахъ его возможности и основной цѣли. На этомъ полѣ мы прямо встречаемся съ русскими учеными ориенталистами, которые вообще и всегда были лучшими союзниками византологіи и своими изданиями арабскихъ и армянскихъ источниковъ въ подлинникѣ, особенно же въ переводахъ, а равнымъ образомъ сообщеніемъ желаемыхъ указаній и извлеченій своимъ собратямъ по наукѣ много содѣйствовали ихъ услѣхамъ: ими самими или же при ихъ помощи написаны многія наиболѣе ясныя и точныя страницы Византійской исторіи. Журналъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ и по сосѣдству съ единственнымъ въ Россіи Восточнымъ факультетомъ, конечно, и впредь можетъ рассчитывать на ихъ вниманіе и участіе.

«Византійскій Временникъ» въ качествѣ періодическаго изданія не долженъ быть только сборникомъ болѣе или менѣе цѣнныхъ статей, но, какъ сказано, объединяющимъ и руководящимъ органомъ византологіи въ Россіи. Въ немъ читатель долженъ находить обзоръ всего, что является въ Россіи по византологіи, съ особеннымъ указаніемъ болѣе важнаго и заслуживающаго вниманія, не только перечень, но и критическую оцѣнку работъ русскихъ ученыхъ. Вмѣстѣ съ полнымъ библиографическимъ отдѣломъ не исключаящимъ ни новой греческой ученой литературы, ни западной, критика доброжелательная, направляющая и одобряющая, должна сдѣлать журналъ необходимымъ для всѣхъ интересующихся византологіею и сродными науками. По соображеніямъ, разъяснять которыя нѣтъ необходимости, для

обозрѣній трудовъ и статей, появляющихся въ Греціи и вообще на православномъ Востокѣ, равно какъ и для болѣе важныхъ оригинальныхъ сообщеній съ этой стороны, на ряду съ русскимъ языкомъ рѣшено допустить и греческій литературный.

Для желающаго слѣдить за ходомъ ученаго движенія въ той или другой излюбленной области бываетъ одинаково важно имѣть свѣдѣнія не только о томъ, что сдѣлано и что уже напечатано, но также и о томъ, что предполагено сдѣлать и что вскорѣ можетъ быть напечатано. Для всякаго рода извѣстій о планахъ и предпріятіяхъ ученыхъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ, о предпринимаемыхъ экспедиціяхъ и приготавливаемыхъ изданіяхъ будетъ служить отдѣлъ мелкихъ замѣтокъ и смѣси, имѣющей назначеніе вообще быть исполненіемъ двухъ предыдущихъ.

Итакъ «Византійскій Временникъ», обнимая по возможности всѣ стороны и отрасли византиновѣдѣнія, будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе три отдѣла:

I) Исслѣдованія и матеріалы: какъ сказано выше, здѣсь желательны самостоятельныя статьи не только по политической, церковной и соціальной исторіи, но также по исторіи литературы и искусства, языка и права, не исключая и такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ. Подъ матеріалами разумѣются небольшіе по объему, но интересные по содержанию неизданные византійскіе памятники по разнымъ отдѣламъ византологіи, сопровождаемые при томъ объяснительнымъ введеніемъ.

II) Критика и библіографія.

III) Мелкія замѣтки и извѣстія.

Редакція «Временника» получила право рассчитывать на сочувствіе и ближайшее содѣйствіе старшаго поколѣнія русскихъ ученыхъ, занятія которыхъ соприкаса-

ются съ византиновѣдѣніемъ, а равнымъ образомъ на сотрудничество младшаго поколѣнія, въ рядахъ котораго можно насчитать достаточное количество именъ, способныхъ въ своей совокупности обезпечить успѣхъ предпріятія.

Въ числѣ первыхъ мы должны прежде всего назвать профессора *Θ. И. Успенскаго*, которому принадлежитъ и та честь, что онъ въ качествѣ предсѣдателя Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ успѣлъ на дѣлѣ доказать возможность существованія въ Россіи спеціальнаго византийскаго изданія (въ видѣ Византийскаго отдѣленія Лѣтописи этого Общества), затѣмъ профессоровъ *Г. С. Дестуниса*, *С. С. Павлова*, *В. И. Ламанскаго*, *Θ. Е. Корша*, *Н. П. Кондакова*, *И. В. Помяловскаго*, *И. Е. Троицкаго*, *Д. Θ. Бѣляева*, *А. И. Кириичникова*, *Н. Θ. Красносельцева*, *М. С. Дринова*, *Н. В. Покровскаго*, академиковъ *А. А. Куника*, *А. Н. Веселовскаго* и барона *В. Р. Розена*.

Изслѣдованія и сообщенія, принадлежащія постороннимъ Академіи сотрудникамъ, оплачиваются гонораромъ по соглашенію съ редакціей. Сверхъ того будутъ выдаваемы отдѣльные оттиски статей по желанію авторовъ въ опредѣленномъ ими количествѣ экземпляровъ,—однако не болѣе ста,—и съ сохраненіемъ первоначальной пагинаціи, но съ обложкою.

«Византийскій Временникъ» будетъ имѣть характеръ повременнаго изданія: предполагается выпускать четыре книжки въ годъ—каждая отъ 10 до 12 листовъ, въ случаѣ нужды допуская соединеніе двухъ номеровъ въ одномъ выпускѣ. Четыре книжки или номера составляютъ одинъ томъ изданія. Первую книжку редакція надѣется выпустить въ началѣ апрѣля сего года.

Подписная цѣна за годовое изданіе или за одинъ

томъ назначается въ пять (5) рублей для Россіи и въ 12¹/₂ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границую.

Подписка принимается у книгопродавца К. Л. Риккера (С.-Петербургъ, Невскій пр., 14) для Россіи.

Редакціей завѣдуютъ по избранію третьяго отдѣленія Академіи Наукъ ординарный академикъ Василій Григорьевичъ *Васильевскій* (Загородный проспектъ, 24), на котораго возложена ученая отвѣтственность за направленіе и содержаніе журнала, и привать-доцентъ С.-Петербургскаго университета магистръ Василій Эдуардовичъ *Регель*, вѣдающій преимущественно дѣловую часть изданія, а также ведущій переписку съ иностранными учеными по дѣламъ журнала.

Письма и рукописи могутъ быть присылаемы на имя того или другаго изъ редакторовъ, а книги, журналы и корректуры должны быть направляемы въ помѣщеніе редакціи, на *Васильевскомъ островѣ*, по 10 линіи, д 15, кв. В. Э. *Регеля*.

Академикъ *В. Г. Васильевскій*.

Привать-доцентъ *В. Э. Регель*.

Къ сельскимъ хозяевамъ, священникамъ, учителямъ, врачамъ и другимъ лицамъ живущимъ въ Полтавской губерніи.

Последніе годы особенно наглядно убѣдили сельскихъ хозяевъ, на сколько успѣхъ ихъ хозяйствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственное ихъ благосостояніе, зависитъ отъ условій породы. Вѣдь сущность земледѣлія собственно въ томъ и заключается, что человекъ ставитъ полезныя для себя растенія въ условія благо-

приятныя для ихъ успѣшнаго роста и развитія, при-
мѣняясь въ этомъ случаѣ, какъ существо разумное, къ
требованіямъ почвы и климата. Для того-же, чтобы
это приспособленіе шло удачно, земледѣльцу надо хо-
рошо знать условія мѣстной погоды, что достигается
продолжительнымъ и внимательнымъ наблюденіемъ за
ея измѣненіями. Опытные и наблюдательные сельскіе
хозяева накаплиютъ въ своей памяти не мало весьма
вѣрныхъ замѣчаній, которыми пользуются сами въ
своемъ хозяйствѣ, обыкновенно охотно дѣлясь ими и съ
сосѣдями. Народная мудрость накапливаетъ также нѣкото-
рыя изъ этихъ наблюденій, обращая ихъ въ народныя при-
мѣты и пословицы. Но вслѣдствіе неправильныхъ при-
емовъ наблюденія и ихъ случайности рядомъ съ вѣр-
ными замѣчаніями въ народѣ обращается еще большое
количество неправильныхъ сужденій и даже явныхъ
зablужденій. Только точность наблюденій, доступная
лишь для инструментовъ, какъ-то: термометръ, флюгеръ
и т. под., обезпечиваетъ ихъ отъ ошибокъ и только
многочисленность наблюденій допускаетъ возможность
вѣрнаго ихъ сопоставленія и устранія случайностей.
Разработкой и сопоставленіемъ этихъ наблюденій за-
нимается особая наука — *метеорологія*.

Въ послѣднее время метеорологическія обсерваторіи,
состоящія при Одескомъ и Кіевскомъ университетахъ,
приняли на себя задачу не только изслѣдовать климатъ
южной и югозападной Россіи, но и изучить зави-
симость сельско-хозяйственной жизни отъ метеороло-
гическихъ явленій, для чего они чрезъ посредство
мѣстныхъ добровольныхъ наблюдателей собираютъ, а
затѣмъ обстоятельно разрабатываютъ и публикуютъ свѣ-

дѣнія о такихъ явленіяхъ, какъ температура, выпаденіе атмосферныхъ осадковъ, грозы, градобитія, ливни и засухи, обиліе или недостатокъ снѣга, мятели, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ и пр., и пр., указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, какъ эти явленія отразились на состояніи мѣстнаго сельскаго хозяйства.

Полтавская губернія принадлежитъ къ мѣстностямъ, изученіемъ климата которыхъ занимается метеорологическая обсерваторія, состоящая при Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра и находящаяся въ завѣдываніи профессора П. И. Броунова. Лицамъ заявившимъ желаніе сообщать свои наблюденія, профессоръ Броуновъ высылаетъ бесплатно краткія наставленія и инструкціи о томъ, какъ надо дѣлать наблюденія и какъ ихъ записывать, а также печатные бланки (т. е. листки для записыванія наблюденій) и конверты съ адресомъ метеорологической обсерваторіи для *бесплатной* пересылки по почтѣ всѣхъ записей въ обсерваторію. Въ вознагражденіе за добровольный трудъ наблюдателей обсерваторія высылаетъ имъ бесплатно печатаемыя ею „Труды приднѣпровской метеорологической стѣи“. Такъ, въ прошломъ году вышли въ свѣтъ и разсланы всѣмъ наблюдателямъ слѣдующія изданія:

„Снѣжный покровъ въ бассейнѣ Днѣпра“ съ ноября 1892 г. по май 1893 г. (3 выпуска).

„Обзоръ состоянія польвовъ въ бас. Днѣпра въ началѣ іюня 1893 г.“.

„Замерзаніе и вскрытіе водъ въ зиму 1892 - 93 гг.“.

„Урожай хлѣбовъ въ бас. Днѣпра въ 1893 г.“.

„Обозрѣніе состоянія озимыхъ польвовъ въ бас. Днѣпра въ началѣ ноября 1893 г.“.

„Грозовая дѣятельность въ бас. Дняпра въ 1893 г.“.

Въ настоящее время Кіевская обсерваторія имѣетъ уже до 500 добровольныхъ наблюдателей, разсѣянныхъ въ 13 губерніяхъ, но изъ нихъ во всей Полтавской губерніи имѣется только 26 человѣкъ; между тѣмъ для успѣшности выводовъ необходимо, чтобы такихъ наблюдателей было по нѣсколько десятковъ на каждый уѣздъ. Въѣдствіе этого, завѣдующій Кіевскою обсерваторіей, проф. Броуновъ, обратился въ Полтавскую губернскую земскую управу съ просьбой разослать циркулярное приглашеніе — вступить въ число наблюдателей: директорамъ и инспекторамъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскимъ, сельскимъ и народнымъ учителямъ, земскимъ врачамъ, настоятелямъ монастырей, священникамъ, начальникамъ почтово-телеграфныхъ конторъ, землевладельцамъ и прочимъ лицамъ, для которыхъ доступны такія наблюденія.

Исполняя съ большой охотой эту просьбу и приглашая всѣхъ упомянутыхъ лицъ откликнуться на призывъ проф. Броунова, Полтавская губернская земская управа считаетъ необходимымъ, въ дополненіе къ сказанному выше о значеніи метеорологическихъ наблюденій для сельскаго хозяйства, дать еще нѣкоторыя разъясненія относительно условій, которымъ должны непременно удовлетворять наблюденія научнаго характера и значенія.

Наблюденія надъ *температурою воздуха* для того, чтобы они имѣли научное значеніе, предъявляютъ къ наблюдателю довольно строгія требованія и съ успѣхомъ могутъ быть производимы лишь на метеорологическихъ станціяхъ 2-го разряда. Для этого надо имѣть особо устроенную клѣтку, охраняющую инструменты

отъ вліянія соннца, дождя и вѣтра, вѣрные и постоянно провѣряемые часы и, кромѣ стоградуснаго термометра, еще нѣсколько другихъ инструментовъ. Стоимость всѣхъ этихъ инструментовъ и приспособленій доходитъ до 90 и даже до 190 руб., смотря по числу и качеству ихъ, такъ что приобрѣтеніе ихъ доступно лишь состоятельнымъ лицамъ или учрежденіямъ *). Наблюденія надъ температурой воздуха должны обязательно производиться не менѣе трехъ разъ въ день, въ опредѣленные часы (въ 7 ч. утра, въ 1 ч. дня и въ 9 ч. вечера), при чемъ ошибка во времени наблюденія свыше 5 минутъ дѣлаетъ наблюденіе непригоднымъ для научныхъ цѣлей. Метеорологическія обсерваторіи, работающія записи, имѣютъ средства контролировать ихъ точность посредствомъ разныхъ сопоставленій и, нѣсколько разъ замѣтивъ сомнительность записей, исключаютъ такого наблюдателя изъ числа своихъ благонадежныхъ корреспондентовъ. Все это показываетъ, что за наблюденія надъ температурою могутъ браться лишь

---

*) Желающіе могутъ выписывать необходимые имъ инструменты чрезъ Полтавское сельско-хозяйственное Общество (адресъ: Полтава, Дворянскій домъ), при чемъ необходимо впередъ внести лишь часть ихъ стоимости, а остальную уплатить при полученіи инструментовъ наложеннымъ платежемъ. Въ прежнее время Полтавское с. х. Общество выдавало желающимъ необходимые инструменты бесплатно, на счетъ суммъ, спеціально для этого ассигнованныхъ губернскимъ земствомъ. Но эти суммы теперь истощились; кромѣ того Общество выполняло лишь просьбы лицъ, удовлетворявшихъ извѣстнымъ требованіямъ и живущихъ въ мѣстахъ, гдѣ устройство новой метеорологической станціи было желательно для пополненія общій ихъ сѣти.

лица, увѣренные въ возможности для нихъ выполнить
всѣ эти строгія требованія.

Наблюденія надъ *количествомъ выпадающихъ ат-
мосферныхъ осадковъ* гораздо проще и доступны почти
всякому. Для этого надо имѣть 2 дождемѣра (второй
— для замѣны перваго во время отсчетовъ), стоящіе
всего 11 рублей оба, и дѣлать ежедневно отсчетъ вы-
павшихъ осадковъ между 7 и 8 часами утра.

Наблюденія надъ *силою и направлениемъ вѣтровъ*
требуютъ лишь установки флюгера, стоимостью въ 29
руб.

Наблюденія надъ *грозами и другими измѣненіями
погоды и надъ разными явленіями природы*, завися-
щими отъ погоды, не требуютъ никакихъ приспособ-
леній. Необходимы лишь самая обычная наблюдатель-
ность и интересъ къ дѣлу. Весь трудъ наблюдателя
ограничивается лишь своевременнымъ записываніемъ
такихъ явленій, которыя и безъ того интересуютъ вся-
каго сельскаго хозяина, затѣмъ, по указаніямъ прис-
ланной инструкціи, онъ долженъ разъ въ мѣсяць на-
писать на особомъ бланкѣ нѣсколько десятковъ словъ
въ отвѣтъ на 8—14 вопросовъ, предлагаемыхъ Об-
серваторіей, и опустить этотъ бланкъ въ почтовый
ящикъ или сдать въ ближайшую почтовую контору,
не наклеивая никакой марки, такъ какъ пересылка от-
вѣтовъ наблюдателей производится почтою бесплатно.
За этотъ дѣйствительно ничтожный трудъ наблюдатель
получаетъ печатныя изданія Обсерваторіи, изъ которыхъ
можетъ знакомиться съ состояніемъ погоды, съ видами
на урожай и результатами предшествовавшаго урожая
на пространствѣ чуть-ли не $\frac{1}{4}$ Европейской Россіи.

Полтавская Губернская Земская Управа надѣется, что многіе изъ тѣхъ, которымъ разсылается настоящее объявленіе, поспѣшатъ предложить свои услуги Кіевской Метеорологической Обсерваторіи по слѣдующему адресу.:

Въ г. Кіевѣ. Въ Метеорологическую Обсерваторію Университета Св. Владиміра.

1894 года, апрѣля 14 дня.

ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПЕРЕЛОЖЕНІЯ И СОЧИНЕНІЯ

УЧИТЕЛЯ ПѢНІЯ ДІАКОНА

М. Ф. КОНЕВСКАГО.

- 1) Всенощное бдѣніе и Божественная литургія Св. Іоанна Златоустаго (трехголосная партитура) . . . . . 75 коп.
- 2) Пѣніе на Божеств. литургіи Св. Василя Велик. (3 голоса) . . . . . 35 "
- 3) Столповой напѣвъ Нижегородск. Каедр. собора (1 голосъ) . . . . . 25 "
- 4) Исторія церковнаго пѣнія въ Церкви Вселенской и мелодическаго пѣнія Церкви Русской . . . . . 25 "
- 5) Исторія гармоническаго пѣнія въ Россіи, съ прибавленіемъ краткихъ свѣдѣній объ организаціи пѣвческихъ хоровъ . . . . . 25 "
- 6) Элементарный курсъ теоріи партеснаго церковнаго пѣнія. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. . . . . 30 "

Всѣ цѣны означены съ пересылкою.

Складъ изданій въ Нижнемъ-Новгородѣ у издателя священника *М. Коневскаго.*

Содержаніе майской книжки

ЖУРНАЛА

„Богословскій Вѣстникъ“.

ОТДѢЛЪ I.

Святаго Астерія Амасійскаго слово о слѣпомъ отъ рожденія.

ОТДѢЛЪ II.

Объ эгоизмѣ и христіанской любви къ самому себѣ. Архимандрита Григорія.

Митрополитъ всея Россіи Максимъ. Е. Е. Голубинскаго.

Взаимныя отношенія Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ Греко-восточной церкви, послѣ паденія византійской имперіи. А. П. Лебедева.

Книги и ихъ судьбы. *.

ОТДѢЛЪ III.

Изъ церковной жизни южныхъ славянъ. III. Изъ церковной жизни черногорцевъ. Г. А. Воскресенскаго.

Парламентъ религій въ Чикаго. В. А. Соколова.

ОТДѢЛЪ IV.

По поводу книги о. протоіерея Е. К. Смирнова: «Къ старокатолическому вопросу. Православенъ ли intercommunion, предлагаемый намъ старо-католиками?» А. А. Кирѣева.

Перечень вновь вышедшихъ русскихъ книгъ историческаго и философскаго содержанія.

ОТДѢЛЪ V.

Протоколы засѣданій Совѣта Московской Дух. Академіи за 1893 годъ.

Объявленія.

ТОВАРИЩЕСТВО

СУКОННО-МАНУФАКТУРНОЙ ТОРГОВЛИ
Рынденковъ и Каретниковъ

ВЪ ПОЛТАВѢ

симъ извѣщаетъ о.о. настоятелей церквей Полтавской Епархіи, что въ магазинѣ ихъ, состоящемъ въ г. Полтавѣ (противъ ново-базарной площади), полученъ большой выборъ парчевыхъ издѣлій, а именно:

Парча серебрянная вызолоченная, парча серебрянная бѣлая, парча атласная всѣхъ цвѣтовъ, парча апплике кованная тяжелая и по глазету легкая всевозможныхъ рисунковъ и въ разныя цѣны.

Къ ней имѣются приборы серебрянные и апплике какъ для ризъ, такъ и для стихарей, какъ-то: кресты, кустодіи, газъ, бахрома и весьма бѣлая и желтая разной ширины, кисци и пуговицы для ризъ.

Кромѣ того имѣются шелковые, полушелковые, и шерстяныя ткани всѣхъ цвѣтовъ спеціально для подризниковъ; имѣется также широкая матерія для катапетасмъ.

Всѣ вышесказанные товары получаютъ нами непосредственно отъ самихъ фабрикантовъ, почему мы имѣемъ возможность продавать таковыя много дешевле другихъ магазиновъ, въ чемъ лично могутъ убѣдиться г.г. покупатели.

Кромѣ того для церквей съ парчевыхъ товаровъ будетъ дѣлаться въ размѣрѣ 10% скидка.

Рынденковъ и Каретниковъ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„ЯКОРЬ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное въ 1872 г.

Основной и запасный капиталъ 3.900.000 р.

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ

на особо выгодныхъ условіяхъ съ льготами на случай
неспособности къ труду и съ участіемъ страхователей
въ прибыляхъ Общества.

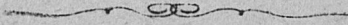
СТРАХОВАНИЕ ТРАНСПОРТОВЪ

морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ.

СТРАХОВАНИЕ ОТЪ ОГНЯ

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода.

Правила, условія, письменныя и словесныя объявленія можно получать въ правленіи общества въ Москвѣ: Большая Лубянка, № 11, въ С-Петербургской конторѣ: Гороховая, № 12, въ главныхъ агентствахъ въ городахъ: Варшавѣ, Житомирѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ригѣ, Ростовѣ н д. и Харьковѣ, а также во всѣхъ агентствахъ Общества въ городахъ Россійской Имперіи.

СОДЕРЖАНІЕ:—Поученіе противъ уличныхъ пѣсень, сказанное сельскимъ прихожанамъ въ третью недѣлю великаго поста въ кладбищной Преображенской церкви села Лютенскихъ-Будищъ.—Поученіе въ день Святителя Христова Николая, мая 9-го дня.—Краткія свѣдѣнія о преподаваніи въ начальныхъ школахъ церковнаго пѣнія и организація пѣвческаго хора.—Къ рѣшенію вопросовъ изъ области пастырской практики.—Къ вопросу о запрещеніи духовникамъ открывать грѣхи своихъ духовныхъ дѣтей.—Библиографическая замѣтка.--Объявленія.

Редакторъ, Инспекторъ семинаріи *Д. Орловъ.*

Печ. съ разр. мѣстн. Дух. цензуры. 15 мая 1894 г.

